

"...Святых на Руси только знай, выноси..."

Александр Башлачев

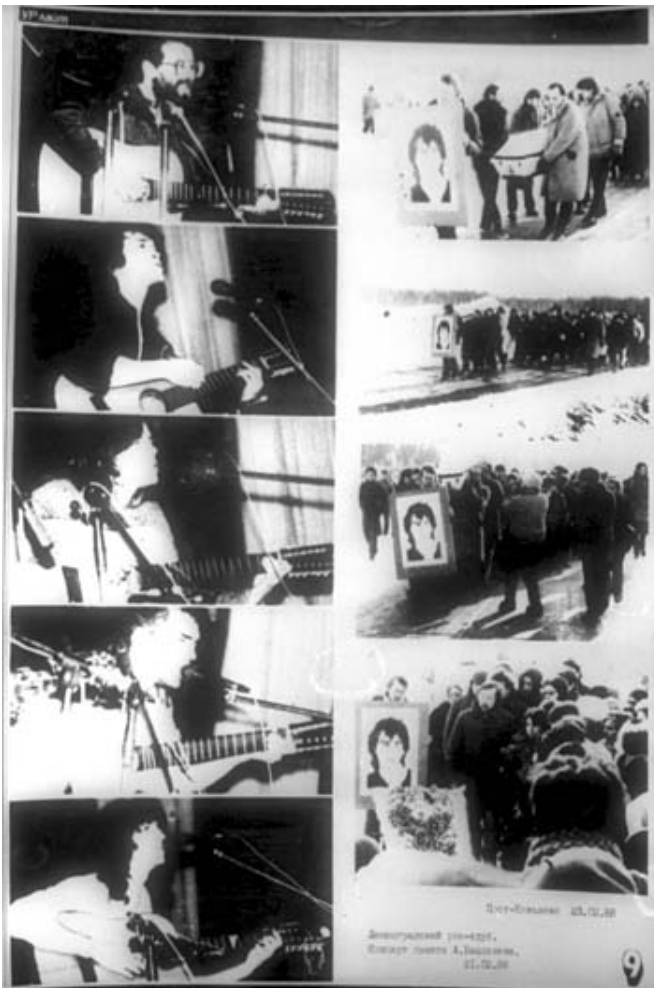
Вряд ли армия наших рокеров узнала бы своих кумиров, сильных и гордых дирижеров многотысячных аудиторий в этих осунувшихся бледных людях, словно только что перенесших тяжелую болезнь. Они стояли с утра на февральском морозе во дворе Ленинградского рок-клуба, почти не разговаривали. Да и о чем говорить... Советский рок прощался с Александром Башлачевым.

Мы никогда больше не увидим маленького, словно согнутого своим огромным талантом, человека со смешной прядкой русых волос на лбу, с тяжелым страшным взглядом прекрасных голубых глаз. Его худенькие плечи не выдержали, да и не могли выдержать весь груз наших тревог, забот, страхов и страстей, которые лежали на нем как крест. Он сделал свой выбор - наш маленький трагический шут в бубенцах, большой трагический поэт в терновом венке. Как

всякому Мастеру, ему суждено было провидеть свой путь и свой конец. Жизнь и смерть пропеты в любом из его стихов. Он ушел именно сейчас, когда, казалось бы, распахнуты окна и сломаны заборы: пиши, пой, живи. И это не только горе, но и вина: почему не уберегли? Можно искать себе сколько угодно оправданий, но эта вина до конца останется с нами. Боюсь, что не все читающие эти строки знатоки "Аквариума", "ДДТ" и "Алисы" так же хорошо знакомы с творчеством Башлачева /на то есть свои причины, о которых разговор особый/ - надеюсь, это не помешает им понять, кем был Саша Башлачев, и что значило слово Саши для каждого человека, причастного к созданию отечественной рок-культуры. Наш демократический жанр не знает табулы о рангах, чинов и званий, поэтому

положение художника здесь трудно определить одним словом - но ясно, что он был не просто "одним из лучших". Мы говорили, что он возглавил "национальный рок", сейчас в пору сказать, что он его обезглавил. Но все, что написано мало-мальски стоящего о нашей рок-культуре - не более, чем развернутый комментарий к небольшой Сашиной песне - "Время колокольчиков". Можно исписать еще тысячу страниц, но к этим строчкам не добавишь ничего нового. Удивительно, что человек, сумевший ТАК выразить дух и смысл рока в нашей стране, оказался причастен к нему по какой-то совершенно непостижимой логике судьбы. Журналист, выпускник Уральского университета, поэт, что называется, от Бога, он и должен был рано или поздно занять свое место в литературе. Но не захотел. Не захотел принимать правил игры в мире, когда-то описанном Михаилом Булгаковым и совсем недавно - Александром Еременко.

И он сделал решительный шаг в другой мир, и из обеспеченного журналиста превратился в бродячего музыканта - "из города в город, из дома в дом, по квартирам чужих друзей...", как пел его друг Борис Гребенщиков. Напомним, что на дворе стоял не 88-й, а 84-й - самый мрачный для рока год. Процесс "Воскресенья", процесс "Браво"... Оттепель никто и не предвидел. /Кроме, может быть, Саши:

"Долго ждем, все ходили грязные,
оттого сделались похожие,
а под дождем оказались разные:
большинство-то честные, хорошие..."/

Звание рок-музыканта в сочетании с Сашиной привычкой называть все и всех своими именами сулило отнюдь не рекламу в печати и не гастроли за рубеж. Он органично вошел в рок-культуру, ни в чем себе не изменяя - с акустической

гитарой пел сначала по квартирам и подвалам, а потом, когда стало "можно петь" - на самых знаменитых фестивалях: Ленинградском, Черноголовском, на концерте в честь создания Всесоюзной рок-федерации в Свердловске... До самого последнего времени не соглашался записываться в электричестве: "мы к этому еще не готовы" - да так и не успел. Хотя, случалось, выходил на сцену в составе импровизированного трио с Костей Кинчевым и Славой Задерием. Создал за эти считанные годы около шестидесяти песен.

Хотя некоторые - "Ванюша" или "Егор Ермолаевич" - и песнями не назовешь, жанр этот пока не имеет названия, но каждая из "больших" вещей Башлачева содержит в себе целый мир, свою философию как эпические поэмы древности. Есть еще один, очень важный нравственный урок Башлачева. Саша был человеком, абсолютно чуждым всякой пустой суете, сопровождающей творчество. Он нуждался в деньгах, но выступал не там, где больше заплатят, а там, куда приглашают симпатичные и близкие по духу люди. Он искренне радовался, встречаясь с такими слушателями, но никогда не стал бы "пробиваться" в престижные залы, в международные шоу, на телеэкран. Подчеркиваем - он не избегал всего этого, он просто был ВНЕ, абсолютно естественно и искренне, может быть, лишая себя каких-то сиюминутных выгод, хотя, какое, в сущности, все это имеет значение: "мертвякам припарки, как живым медали..." Наверное, он был прав. Башлачев-поэт - человек проклинаящий, предающий анафеме, напоминающий о Страшном Суде. Он говорит: вот вы думаете, что вы хорошие, но это оттого, что давно не гляделись в зеркало. Я ставлю его перед вами - "станут страшным судом по себе вас судить зеркала". Смотрите и кайтесь. Покаяние приведет вас к очищению, очищению через страдание. Место свойственной классической поэзии гармонии человека и природы у Башлачева занимает космос. Космос зол к человеку, он втягивает его в обугленные дыры пространства и уже никогда не отпускает. Если в стихах А. Башлачева и возникнет звезда - то "спроси меня, ясная звезда, не скучно ли долбить толоконные лбы", если и появится природа, то холодная, колючая, гибельная: "мы пришли, чтоб отлить себе латы из синего льда", "сырая метель кроит белый шелк". Башлачев предпочитает святой лжи горькую правду. Одно из возможных прочтений знаменитого его "Степана Грибоедова" - человек поддался гипнозу, искушению, почувствовал в себе великана. Выход - петля, настолько не соответствует его самоощущению всему, что его окружает: "Испортит песню, дурак!". Но Саша любит людей. Он поет, чтобы сделать их лучше, чище. "Положи меня в воду, научи меня искусству быть смиренным" - говорит Б.Гребенщиков. Положите в грязь и пот, кровь и стоны - не для смирения, но для бунта - так у А. Башлачева.. Мы пишем о нем в настоящем времени, потому что он все еще поет:

"Перегудом-перебором
Да я за разговорами не разберусь,
Где Русь, где грусть.
Нас забудут, да не скоро,
А когда забудут, я опять вернусь"

Александр Башлачев

АБСОЛЮТНЫЙ ВАХТЕР

Этот город скользит и меняет названья
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму.
Он тугая пружина. Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.

Алый факел - мелодию белой темницы
Он несет сквозь скупую гармонию стен.
Он выкачивает звуки резиновым шприцем
Из колючей проволоки наших вен.

В каждом гимне - свой долг, в каждом марше - порядок.
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок.
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей.

Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилой патефон, подчиняясь приказу,
Вбирает иглой ностальгический вальс.

Бал на все времена! Ах, как сентиментально...
И паук - ржавый крест - спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатное танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер - ни Адольф, ни Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да псковской живодер.

Полосатые ритмы синкопой на пропуске.
Блюзы газовых камер и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске,
Бесконечная пауза выжженных глав.

Как жестоки романсы патрульных уставов
И канцонов концлагерных нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решетки чугунной струною звенят.

Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо
И все тот же калибр тех же нот на листах.
Эта линия жизни - цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных жутких фронтах.

Абсолютный Вахтер - лишь стерильная схема.
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названьем... да, впрочем, не все ли равно.

Ведь этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

НА ЖИЗНЬ ПОЭТОВ

Поэты живут. И должны оставаться живыми.
Пусть верит перу жизнь, как истина в черновике.
Поэты в миру оставляют великое имя,
затем, что у всех на уме - у них на языке.

Но им все трудней быть иконой в размере оклада.
Там, где, судя по паспортам - все по местам.
Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада,
- По чистым листам, где до времени - все по устам.

Поэт умывает слова, возводя их в приметы
подняв свои полные ведра внимательных глаз.
Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, еще раз!

Как вольно им петь. И дышать полной грудью на ладан...
Святая вода на пустом киселе неживой.
Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада
Пойдут по воде над прекрасной шальной головой.

Пусть не ко двору эти ангелы чернорабочие.
Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить топорам.
Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия.
К ним Бог на порог. Но они верно имут свой срам.

Поэты идут до конца. И не смейте кричать им - Не надо!
Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала.
И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада
- глядят Ему в рот, разбегаясь калибром ствола.

Шатаясь от слез и от счастья смеясь под сурдинку,
свой вечный допрос они снова выводят к кольцу.
В быту тяжелы. Но однако легки на поминках.
Вот тогда и пойдем, что цветы им, конечно, к лицу.

Не верьте концу. Но не ждите иного расклада.
А что там было в пути? Метры, рубли...
Неважно, когда семь кругов беспокойного лада
позволят идти, наконец, не касаясь земли.

Ну вот, ты - поэт... Еле-еле душа в черном теле.
Ты принял обет сделать выбор, ломая печать.
Мы можем забыть всех, что пели не так, как умели.
Но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.

Не жалко распять, для того, чтоб вернуться к Пилату.
Поэта не взять все одно ни тюрьмой, ни сумой.
Короткую жизнь. Семь кругов беспокойного лада
Поэты идут.
И уходят от нас на восьмой.